

рукописные переводы его знаменитой антиклерикальной поэмы «Орлеанская девственница» («La Pucelle d'Orléans»).

В отличие от преобладающего большинства вольтеровских сочинений, изданных у нас — хотя подчас и с немалым опозданием и с множеством искажений, «Орлеанская девственница» ни в XVIII, ни в XIX в. в русскую печать не пробилась, так и не преодолев цензурных преград. С ней знакомились или в оригинале, или в рукописных переводах, имевших хождение в самых разных читательских кругах, но преимущественно среди людей небогатых и незнатных, лишенных средств для приобретения иностранных книг или с трудом читавших на французском языке.³

«Орлеанская девственница» создавалась на протяжении нескольких десятилетий — с конца 1720-х до начала 1770-х годов. Долгое время поэма распространялась в бесчисленных списках; в 1755 г. она — без ведома Вольтера — впервые увидела свет, но до 1762 г. он в своем авторстве открыто не признавался; наконец, в 1771 г. в Лондоне появилось ее полное издание, положенное в основу почти всех последующих.⁴ К этому окончательному тексту восходит и прозаический русский перевод вольтеровской поэмы, сделанный в последней четверти XVIII в.

Анонимный автор этого перевода превосходно владел французским языком и был весьма образованным человеком. Он успешно справился с большинством встретившихся на его пути трудностей, в целом переложив поэму с редкой для того времени точностью и полнотой. Это не означало, разумеется, что перевод был вообще свободен от ошибок. Незнание некоторых реалий подчас вынуждало его переводить более чем приблизительно, а иногда и вовсе опускать те или иные фразы и слова. Так, «un fort joli château» превратился у него в «преизрядный увеселительный дом», «bachelier» — в «монаха», «d'un ton de vrai miserere» — в «самым странным образом и голосом», «l'aimable Régence» — в «приятное правление», «les charniers qu'on dit des Innocents» — в «кладбище, называемое святого Иннокентия» (вместо «кладбища невинно убиенных»), «la chapelle ardente» (катафалк) — в «церковь», «le doux célibat» — в «тихое блаженство», «corsaire» же, «rade», равно как и преобладающее число латинских цитат, остались вообще без перевода.⁵

Впрочем, кое-что могло не попасть в русский текст и по другой причине: например выражение «le corps en rut». Однако изъять или хоть отчасти смягчить все чересчур вольные места в задачу переводчика не входило. Опустив «неприличное» рас-

³ См.: Розов Н. Н. Зачем, кому и какая рукописная книга нужна была в России XVI—XIX столетий. — Вопросы истории, 1970, № 6, с. 210—217.

⁴ Об этом см., например: Adam ski J. Problem tekstu wolterowskiej «Darczanki». — Kwartalnik neofilologiczny, 1959, zc. 4, s. 289—303.

⁵ ИРЛИ, Р. II, оп. 1, № 57, л. 6 об., 16, 46, 72 об., 121, 150, 157, 164, 82, 88, 146. — С подобным «преобразованием» французского текста не следует смешивать традиционное для XVIII в. «склонение на русские нравы», встречающееся в этом переводе довольно часто.